

ПЕРСОНА

Там плохо и тут плохо. В дороге хорошо

На вопросы «ОГ» отвечает режиссер Марина ГОЛДОВСКАЯ

Сказать по правде, широкий зритель редко помнит имена режиссеров-документалистов. Марина Голдовская — счастливое исключение. Достаточно назвать хотя бы два самых известных ее фильма — «Архангельский мужик» и «Власть соловейка», ставшие общественными событиями во времена перестройки. Несколько лет назад прошел слух: Голдовская уезжает в Америку. Но информация оказалась верной только наполовину...

— Марина Евсеевна, я знаю, что несколько лет назад вы вышли замуж за американца и теперь живете как бы на два дома, которые разделяют тысячи километров. Как это сказало на вашей работе? Где вы теперь снимаете картины?

— Ситуация у меня очень сложная. В Лос-Анджелесе — муж, который хотя и любит приезжать в Россию, но жить здесь постоянно не хочет. Во-первых, как он говорит, ему здесь холодно. Во-вторых (и это, конечно, главное), у него там работа, и бросать ее он не хочет. А в Москве — сын, его семья, да и дом мой, конечно, здесь. Вот мне и приходится разрываться между двумя городами. Я преподаю студентам там (в университете Лос-Анджелеса) и тут (в МГУ и колледже современного искусства), и картины снимаю там и тут, по одной каждый год, даже больше: с 86-го по 95-й сделала четырнадцать. Из последних вы могли видеть «Дом с рыцарями», про историю одного дома на Арбате. Это была как бы метафора России...

— И он, помните, получил главный приз Европы и еще какие-то награды?

— Да. Мне вообще везло с последними картинами. Мой видеодневник «Осколки зеркала» тоже получил несколько призов. Потом я сняла картину «Повезло родиться в России» про октябрьские события 93-го года. Это был второй видеодневник. А идея третьего родилась совершенно неожиданно. После изматывающих съемок у Белого дома, где я попала в самое пекло (и страшно радовалась, что мне удалось «схватить» все там происходившее), я полетела в Лос-Анджелес: у меня начинался учебный семестр. Приехала совершенно измученная и думала: ну, наконец, отдохну. А на третий день там случилось землетрясение. Что творилось в городе — не передать. Все было разбито, разрушено, в том числе у меня в квартире, а офис мужа вообще оказался в самом эпицентре. Началось землетрясение в 4.35, а уже в половине

седьмого, едва рассвело, я начала снимать. Дня через два мне пришлось отправиться во Францию на фестиваль. И в самолете я вдруг сочинила заявку на фильм «Этот сотрясающийся мир». Предложила ее французам, они сказали, что подумают, и потом несколько месяцев молчали. Я уж и думать про это забыла, как вдруг факс: ваша картина поставлена в план.

На меня напал дикий страх. Во-первых, уже и следов землетрясения не осталось, американцы все восстановили, и стало еще лучше, чем прежде. Во-вторых, я боялась этого города, этого гиганта-мегаполиса — он же включает 18 маленьких городов, там чуть не 15 миллионов живет! — и вот я должна делать о нем фильм. Но я поняла, что если сейчас откажусь, то никогда не преодолею этот свой страх. Короче, решила: начну снимать, что-то да получится. И за два месяца сделала картину.

— Раньше в нашем кино Америка представляла как средоточие всех пороков, теперь — всех добродетелей. А какой увидели ее вы?

— В общем, картина получилась довольно критической. Помните старый анекдот: и тут плохо, и там плохо — в дороге хорошо. Она об этом. Там, конечно, нет путей, но есть землетрясения, тайфуны и прочие стихийные бедствия, а еще есть рецессия, безработица, бездомные и прочие социальные неприятности. И, конечно, всякие проблемы морального плана. Одна из них — роль масс-медиа в жизни Америки (проблема, которая становится большой и для нас). Когда я начала делать картину, на моей улице произошло убийство жены футболиста Симпсона. И я инстинктивно почувствовала за этим нечто большее, чем просто криминальный случай. История с Симпсоном потом сментировала всю картину. Я начала следить за этим громким делом, точнее, за тем, как его подавали масс-медиа. Такого вторжения в личную жизнь, такого публичного перетряхивания грязного белья я просто не могла себе раньше вообразить. Какой-то цирк на крови. Для меня эта ситуация стала как бы зеркалом американского общества. Картина хорошо прошла по европейскому телевидению и даже получила несколько призов.

— А почему до нас она не дошла?

— Тут у меня обида на моих коллег. Я предлагала картину Российскому телевидению. Мне сказали, что Америка их не интересует. Очень жаль.

— Думаю, на самом деле их вообще не интересует документальное кино. В Америке ему тоже трудно пробиться на телеэкран?

— Там его в основном показывают по каналу Паблик телевижн (Общественное телевидение). Это государственный канал, которому то и дело урезают финансирование, но он тем не менее самый интересный, рассчитанный в основном на серьезную публику. Лично я предпочитаю его всем другим. Они показывают довольно много документальных фильмов, но чаще всего такого традиционного типа. Американцы же прагматики, они хотят получить от картины максимум информации. И фильмы обычно кроятся по одному образцу: синхронные интервью, хроника и обязательно дикторский текст, который все разжевывает. Просветительский потенциал у них очень большой, хотя творчески это не очень интересно.

Правда, в Америке сейчас вспыхнул интерес к независимому, авторскому документальному кино. Люди, которые его делают, как правило, зарабатывают на жизнь преподаванием, бизнесом, еще чем-то, а картины снимают на свои деньги. Недаром там говорят, что документальное кино — это кратчайший путь к бедности: доходов оно не приносит. Иногда, правда, удается получить на фильм средства от каких-нибудь фондов. Но это новое авторское кино необыкновенно интересно, неожиданно, свежо. И обычно одну-две такие картины в месяц можно увидеть по каналу Паблик телевижн в программе «Точка зрения». Отлично принимают их и на фестивале независимого кино в Санденсе, организованном Робертом Редфордом.

— А как там воспринимают ваши картины?

— Я не могу пожаловаться. Их показывали на том же фестивале в Санденсе, недавно прошла ретроспектива в Лос-Анджелесе. Но мои картины — абсолютно европейские. И хотя европейское кино американцев очень интересует, они не вполне его понимают. Конечно, настоящий мой зритель — здесь, в России.

— Но ситуация с документальным кино в России столь плачевна, что, похоже, у вас и ваших коллег будет все меньше возможностей встречаться со своим зрителем.

— Да, надо отдавать себе отчет, что нашему поколению документалистов здесь уже ничего не светит. Ну, сколько может работать человек нашей профессии? Лет до 65-ти, не больше. Это же тяжелый труд. И физически, и психологиче-

ски. А я ведь еще сама и оператор. Сколько я смогу еще таскать камеру? У молодых надежды больше, потому что, я уверена, пройдет лет пять — и перспективы появятся.

Но меня в последнее время вдохновляет одна, если угодно, идея-фикс. У американцев в годы войны была такая серия — ее делал Фрэнк Капра — «Знай своего врага». Она должна была объяснить аполитичной, в общем, нации, почему Америка вступила в войну так поздно. И несколько лет назад я подумала, что хорошо бы теперь, когда Россия вошла в сообщество цивилизованных стран, сделать другую серию — «Знай своего друга». Даже предлагала заявку американцам. Но их очень трудно купить на такую идею. У них полно своих журналистов-советологов, снимающих в России всяческую чернуху: проституток, бомжей, сюжеты про убийства «новых русских», про КГБ и т.д. И вот все свои последние ленты я делаю с ориентацией и на западного зрителя: мне страшно хочется показать ему, какие мы на самом деле, какая сложная у нас история и сколько у нас есть светлого и привлекательного.

А подтолкнул меня к этой мысли такой случай. Несколько лет назад для компании Тэда Тернера я делала картину «Вкус свободы» о Саше Политковском. Монтировать надо было в Америке. Мне дали русского монтажера, из эмигрантов, и мы с ним сразу подружились. А вот его помощник был молодой американец, выросший в маленьком городке. В первые дни он смотрел на меня жутко хмуро, подозрительно, без улыбки. А я в такой атмосфере работать не могу. Наконец, у меня лопнуло терпение, я захватила с собой бутылку водки и банку красной икры и после работы говорю: «Давайте, ребята, выпьем по рюмашке». После третьей или четвертой рюмки он как-то оживился и сказал: «Слушай, а ты нормальный человек». — «А почему же я должна быть ненормальной?» — «Но ты же русская, вы же все шпионы, гэбисты». И вот тут я поняла, насколько же глубоко въелись в их сознание все эти стереотипы времен холодной войны. И поэтому, когда я вижу, например, что студенты-американцы плачут на моих картинах, — мне это как бальзам на душу. Значит, я сумела открыть для них настоящих русских, сломать этот стереотип.

— И ваша новая картина будет о России?

— Да, я хотела бы сделать своего рода трилогию, показав нашу историю XX века через судьбы людей. Первый фильм был, условно говоря, о Доме («Дом с рыцарями»). Тема второго — сейчас мы с Майей Туровской работаем над его сценарием, — Класс, об однокашниках выпуска 1941 года, людях очень интересной судьбы, но для которых тем не менее самые счастливые воспоминания в жизни связаны со школьными годами. И третья будет о Семье.

А кроме того, я продолжаю снимать свой видеодневник. Для себя я определяю эту работу как «хронику чувств». Ведь время уходит, эмоции забываются, и моя задача сохранить, зафиксировать их. Это и мои собственные впечатления от текущего дня, и разговоры с друзьями, с близкими о том, что мы переживаем в данный момент. Что из этого всего сложится, пока не знаю. Мой отец говорил: «Никакой труд не пропадает». Я всегда помню эти слова. И потому снимаю почти каждый день.

Беседу вела
Галина ЧЕРМЕНСКАЯ

Борис ПРИХОДЬКО

